

Когда судебные решения не исполняются, так называемая третья власть теряет не только авторитет и полномочия. Она вообще перестает быть властью. Когда исполнительный лист становится бесполезной бумажкой, судопроизводство теряет смысл. С тех пор, как деятельность судебных приставов-исполнителей была выведена из-под контроля судов, подобные ситуации стали обычным делом. Свидетельством тому история мытарств Светланы Нешатаевой, о которых мы расскажем ниже. Черный вторник

25

-летний Максим Нешатаев трагически погиб во вторник 8 июля 2008 года. К этому моменту он уже почти год работал сборщиком стеклопакетов в ООО

Строительно-производственная компания «Новый город», и в этот день, как обычно, занимался своим делом. Он уже получил производственное задание и собирал стеклопакеты, когда начальство дало ему другое поручение: помочь при разгрузке контейнера со стеклом, который накануне привезли к цеху предприятия, расположенному в промзоне на десятом километре.

Незадолго до этого «Новый город» получил крупный заказ на установку окон, для этого и предназначался злополучный контейнер. Однако в дороге часть стекла оказалось разбитой. Якобы именно по этой причине груз и привезли на территорию «Нового города». Хотели сделать фотоснимки для предъявления соответствующих претензий. Разгрузку назначили на «черный вторник».

Надо было отодвинуть скамейку, которая мешала подъемному автокрану подъехать к контейнеру. С этой работой Максим с напарником справились быстро. После этого молодой человек открыл запорные рычаги контейнера, вошел в него, убрал деревянные распорки между ящиками первого ряда и перерезал стальные ленты-крепежи. Но когда Максим Нешатаев прошел внутрь, пять тонн стекла обрушились вниз, не оставив ему ни единого шанса выжить.

Сегодня почти невозможно установить, зачем и по чьему указанию парень оказался внутри контейнера и начал готовить его к разгрузке. Генеральный директор фирмы Екатерина Ползунова утверждала потом, что сделал он это самовольно. Никто ему ничего подобного не поручал, а работники фирмы вообще не должны были принимать участие в разгрузке. Только перенести 20-килограммовую лавку. Дескать, решил проявить неуместный трудовой энтузиазм, из-за которого и погиб.

Но у Светланы Нешатаевой другие сведения на этот счет. «Раньше работники фирмы уже выгружали контейнеры со стеклом, причем, без участия специально обученных стропальщиков, – рассказывает убитая горем женщина. – Даже после гибели моего сына этот контейнер разгружался собственными силами предприятия».

Но главное выяснилось в ходе расследования. Оказывается, Максим Нешатаев работал в «Новом городе» неофициально, зарплату получал «в конверте», а инструктажа по технике безопасности не проходил. Скорее всего, именно поэтому несчастный случай руководители фирмы пытались скрыть. «Начальник производства вызвал МЧС, «скорую» и милицию. Но руководителю фирмы, похоже, было не до того. Надо было срочно оформлять документы о приеме Максима на работу, сделать подписи в журналах по технике безо-

пасности. Эти документы появились только 14 июля», – говорит мама погибшего рабочего. И только через шесть дней после трагедии, по ее словам, о происшедшем сообщили в трудовую инспекцию, хотя по закону сделать это следовало в течение суток. Около двух лет Светлана Нешатаева пыталась добиться уголовного преследования

работодателей своего сына. Сроки следствия несколько раз продлялись, дважды материалы дела отправлялись на дополнительное расследование, но в итоге признаков состава преступления в действиях Екатерины Ползуновой не нашли. И тогда, только спустя два года после случившегося, женщина, потерявшая сына, обратилась в гражданский суд. Она подала на компанию «Новый город» иски о компенсации морального вреда и взыскании неполученной ко дню смерти Максима его заработной платы.

Не виноватая я

Первое заявление Пет-

ропавловский городской суд под председательством Ларисы Галеевой рассматривал в феврале 2011 года. В этом процессе ответчик – ООО СПК «Новый город» – категорически отказался признать иски. Представлявшая интересы фирмы юрист аргументировала свою позицию следующим образом: «В момент трагедии Нешатаев М. Е.

не выполнял трудовую функцию. Скамейка не является грузом, уборка скамейки не является работой... Площадка не являлась местом погрузочно-разгрузочных работ, и указанные работы там не производились. Такие работы лишь предполагались на будущее, в связи с чем площадка не приобрела статус места погрузочно-разгрузочных работ... Действия Нешатаева М. Е. в части проникновения в контейнер являются самовольными... Работники ООО «Новый город» не должны были участвовать в разгрузке контейнера, в связи с чем целевой инструктаж по разгрузке контейнера и не должен был проводиться. Таким образом, факт нарушения правил техники безопасности отсутствует».

Екатерина Ползунова и ее юристы, как видно, уверены в своей правоте, а также в том, что никакой инструктаж был не нужен. Но зачем же тогда руководители предприятия сразу после ЧП спешно бросились задним числом мастерить официальные документы о приеме Максима Нешатаева на работу, включая подделку его подписи в журнале по технике безопасности? Неужели, хотели подстраховаться, прекрасно понимая, что трудовые отношения с работником оформлены с грубейшими нарушениями?

Впоследствии Екатерина Ползунова на страницах местной прессы недоумевала: разве надо было объяснять взрослому человеку, что, закончив переносить скамейку, он ни в коем случае не должен идти в противоположном от своего рабочего места направлении, открывать контейнер, перерезать крепежи и заходить внутрь? Разве виноват руководитель предприятия, не объяснивший работнику, как сберечь себя?

Возможно, уважаемую бизнесвумен это и огорчит, но на все ее вопросы есть только один, утвердительный ответ. Да, объяснять было надо. Да, руководитель виноват. Может быть ей, как женщине, возглавляющей производственное предприятие, это и невдомек, но в соответствии с Правилами организации работы по технике безопасности, инструктаж по ней бывает вводным, первичным на рабочем месте, повторным, внеплановым и текущим на рабочем месте.

Первичный инструктаж как раз и проводится с персоналом, которому предстоит, в частности, выполнять новую для него работу. Одно из двух. Либо Максим Нешатаев уже разгружал раньше контейнеры со стеклом, и в этот раз инструктировать его не стали, либо никогда не делал и не должен был делать этого, но его зачем-то оторвали от основной работы и послали расчищать разгрузочную площадку, что не входит в

должностные обязанности сборщика стеклопакетов.

Признать виновным

В результате с доводами ответчика городской суд краевой столицы не согласился, и 25 февраля объявил о решении: иск Светланы Нешатаевой удовлетворить частично и взыскать с ООО СПК «Новый город» в качестве компенсации морального вреда миллион рублей. Фактически предприятие-работодателя признали виновником несчастного случая на производстве. Пусть и не в уголовном, но в гражданском порядке.

А спустя полгода тот же Петропавловский городской суд, правда, уже в другом составе, приступил к рассмотрению другого иска, о взыскании заработной платы, которую на момент своей гибели не успел получить Максим. Здесь Екатерина Ползунова, как генеральный директор, снова оказалась в интересном положении.

Дело в том, что Светлана Нешатаева находилась на иждивении сына и, следовательно, должна получить страховые выплаты по потере кормильца. Но фонд социального страхования, который такие выплаты производит, рассчитал их на основании сведений, которые предоставлял туда работодатель. Так вот, по сведениям из ООО СПК «Новый город», Максим Нешатаев зарабатывал всего восемь тысяч рублей в месяц. Однако, его настоящее ежемесячное жалованье, как установлено судом, составляло 22 тысячи 800 рублей.

«Трудно представить себе, что пришлось пережить Ползуновой, матери двоих детей, предпринимателю, деловая репутация которой была поставлена под угрозу», – писала, освещая процесс, местная газета в статье, опубликованной по просьбе самой бизнесвумен. Можно подумать, репутация в деловом мире не страдает, если предоставлять в фонд соцстраха откровенно лживые сведения о зарплате работников, да еще надеяться, что никто этого не заметит.

Добавим, что в 2008 году погибший Максим Нешатаев окончил заочно третий курс социально-экономического факультета КамГУ имени Витуса Беринга по специальности «история». Но за год, что он неофициально проработал у госпожи Ползуновой, дополнительные отпуска для сдачи сессий и аттестаций ему никто не оплачивал.

Представитель компании-ответчика еще пыталась как-то спасти положение: дескать, студент Нешатаев не предоставлял вовремя справки-вызовы из университета. Однако на судью Юлию Доценко это впечатления не произвело. О каких справках может идти речь, если парень был официально трудоустроен только после того, как погиб?

В результате и этот процесс завершился не в пользу стекольщиков. С компании взыскали еще 62,5 тысячи рублей, включая фактическую, а не фиктивную заработную плату и расходы на оплату юридических услуг. Казалось бы, на этом в истории можно ставить точку. Но жизнь и жестокие нравы в нашем городе показали: с этого момента все только началось. Потому что в дело вступило местное управление службы судебных приставов.

Закона нет?

Решение суда о миллионной компенсации морального вреда матери своего погибшего работника Екатерина Ползунова обжаловала. Сама мать двоих детей, она, видно, не поняла, что можно испытывать страдания, потеряв сына. Впрочем, привести сколько-нибудь вразумительные аргументы в кассационной инстанции предпринимательнице не удалось, и ее жалобу отвергли. Решение суда осталось без

изменений. В мае 2011 года Светлана Нешатаева уже получила соответствующее определение вместе с исполнительным листом, который сразу же направила в службу судебных приставов, чтобы взыскать положенные ей по решению суда деньги. Но люди в погонах еще около полутора месяцев не спешили оторваться от стульев и навестить предприятие Екатерины Ползуновой, чтобы исполнить вердикт. Сама бизнес-леди, в отличие от сотрудников УФССП, эти полгода сложа руки отнюдь не сидела. Результатом ее усилий стала регистрация четвертого апреля 2011 года нового ООО Строительно-промышленная компания «Новый город». Обратите внимание: сохранилась и форма собственности, и аббревиатура СПК в названии. Даже адреса не изменились. Производственные помещения, как и прежде, расположены на десятом километре в Петропавловске, а юридический адрес все в той же квартире предпринимательницы.

Ловкость рук и никакого мошенничества. Старая фирма, задолжавшая больше миллиона рублей, не признана банкротом, но никакой деятельности больше не ведет и вести, очевидно, не будет. Новая – никому ничего не должна. Стоило приставам, случайно или нарочно, немного промедлить, и вот уже деловая репутация госпожи Ползуновой сияет девственной чистотой.

На просьбу Светланы Нешатаевой в обеспечение иска арестовать имущество задолжавшей ей фирмы сразу после решения суда первой инстанции, приставы ответили гордым молчанием. На требование исполнить решение суда после кассационной жалобы сокрушенно вздыхали. Мол, нет у нас такого закона, чтобы в такой вот ситуации взыскать деньги.

Странно слышать такое от людей, работающих в системе министерства юстиции. Дело в том, что такой закон есть, и называется он Уголовный Кодекс Российской Федерации. Тот, кто не прогуливал в университете лекции по уголовному праву, знает: в УК РФ существует статья 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности».

Под «злостным уклонением» здесь, в частности, подразумевается неисполнение вступившего в законную силу судебного решения. Обязательное условие наступления уголовной ответственности – крупный размер задолженности, составляющий сумму, превышающую 250 тысяч рублей. Субъектом преступления может быть руководитель любой организации. В нашем случае – госпожа Ползунова. Максимальное наказание по данной статье – два года лишения свободы. Но решать вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении ловкой предпринимательницы приставам, вероятно, было недосуг.

Вместо этого исполнительное производство в УФССП несколько раз переходило из рук в руки, но выполнить решения суда эти, так называемые, исполнители, так и не смогли. Наконец, пристав Мария Габеева просто вернула исполнительные листы истце, коротко заявив о своем бессилии. В разговоре с корреспондентом «Вестей» Мария Эдуардовна была также немногословна: «У нас много таких организаций. И вообще я сейчас увольняюсь и комментировать ничего не хочу».

Невозможно представить, что таким приставам, как Мария Габеева, наплевать не только на закон и на справедливость, но и на прямые указания собственного руководства. Ведь никто иной как начальник УФССП по Камчатскому краю Валериан Жеребятьев на помпезном собрании в ноябре прошлого года отчеканил «О том, что правосудие восторжествовало, можно говорить лишь после того, как судебный пристав

выполнил свою работу». Разве эти слова для подчиненных генерала всего лишь пустой звук?

Выступая на том же мероприятии, губернатор Владимир Илюхин, обращаясь к приставам, справедливо подчеркнул: «Ваша деятельность определяет отношение к судебной системе и в целом к правоохранительным органам. В том числе будет ли неотвратимым наказание, что является основой веры человека в справедливость». Хочется спросить у коллег Марии Габеевой: как теперь верить в справедливость Светлане Нешатаевой, а также другим жертвам «многих таких организаций»? И кто будет уважать суд, решения которого не обязательны для исполнения?

Сегодня потерявшая сына, а потом еще и обманутая женщина со слезами на глазах говорит, что обращалась во все возможные инстанции. Но против бездействия, а затем и бессилия службы судебных приставов никто ничего не может поделать. Последняя надежда остается на депутата Госдумы РФ Ирину Яровую. Она обещала помочь, но пока вопрос в стадии решения.

С чистого
исполнительного листа

Генеральная прокуратура РФ в середине прошлого года по всей стране проводила масштабную проверку ФССП, которая завершилась шокирующим докладом. «Выявлены многочисленные факты утраты исполнительных листов, массовые случаи фальсификации документов в целях прекращения исполнительных производств. Повсеместно судебные приставы не принимают должные меры к принудительному исполнению судебных актов. На крайне низком уровне находится организация розыска должников и их имущества», – сообщила пресс-служба Генпрокуратуры.

В Генпрокуратуре считают, что бездействие судебных приставов подрывает основы правосудия в России. Например, в 2012 году было взыскано лишь 2,5 миллиарда рублей из назначенных судами 39 миллиардов рублей административных штрафов, а к ответственности за неуплату долга был привлечен лишь каждый десятый правонарушитель.

За последние три года в деятельности судебных приставов прокурорами выявлено более 200 тысяч нарушений. Только по требованию прокуроров к дисциплинарной и административной ответственности привлечено 10 тысяч судебных приставов. В отношении сотрудников службы возбуждены более 800 уголовных дел.

Но в Петропавловске судебные решения при желании по-прежнему можно не выполнять. Как выясняется, для этого достаточно лишь пары несложных махинаций. И вот уже приставы, которые, напомним, носят на плечах погоны и имеют широкие полномочия, грустно разводят руками. У них нет либо возможности, либо желания поддержать авторитет третьей власти. Секрет здесь, видимо, в самой организации работы ФССП, которая функционирует иначе, чем другие силовые ведомства.

Если в каком-нибудь районе не совершается преступлений, то это свидетельство эффективности местной полиции. Всех злоумышленников переловили, а с остальными провели профилактику. У приставов все наоборот. Сотрудника отдела по обеспечению установленного порядка деятельности судов, не составившего за месяц ни одного административного протокола, начальники будут считать бездельником. Он может распрощаться с премией, очередными званиями и повышением в должности.

Пристав-исполнитель, арестовавший пять холодильников, два телевизора и три сотовых

телефона у законопослушных людей, которые не скрываются и не прячут имущество, работает хорошо. Его коллега, потративший время на сложный запутанный случай, даже при успешном завершении дела должен опасаться взыскания за служебное несоответствие. В результате правосудие не торжествует.

Дмитрий ЧЕРНОВ.